

ними, стало быть, – это отношение действительной взаимосвязи такого же рода, какое присутствует в устойчивом существовании любых материальных объектов.

2. *Система* (от греч. *σύστημα*) – организованное целое; организованная или связанная совокупность объектов; множество или собрание вещей, которые связаны, соединены друг с другом или зависят друг от друга таким образом, что образуют некое сложное единство; целое, состоящее из частей, находящихся в упорядоченном состоянии. – *Oxford English Dictionary*.

Пер. с англ. В.Г. Николаева

(Продолжение следует)

От редакции. Американский ученый Мелвилл Джин Херсковиц (1895–1963) (см. прим. 1) – один из интереснейших и влиятельнейших антропологов XX в. Будучи человеком широчайшей эрудиции и энциклопедического склада, он внес существенный вклад почти во все разделы той науки, которой посвятил свою жизнь. Наиболее значительны его труды по африканской и афроамериканской этнографии и фольклору, исследования, посвященные культурному изменению, аккультурации, экономической антропологии, культурному релятивизму. Многие его начинания имели новаторский характер. Во многом благодаря его личным усилиям обрела самостоятельный статус такая область исследования, как афроамериканистика. Наследие Херсковица включает около 400 опубликованных работ. Многие из них приобрели классический статус и вошли в золотой фонд антропологии как общей науки о человеке. На русский язык они практически не переводились. Своими скромными усилиями мы постараемся хотя бы немного восполнить этот пробел. Для начала мы выбрали статью, в которой не только синоптически рассматриваются задачи и ключевые проблемы афроамериканских исследований, в институционализацию которых Херсковиц внес решающий вклад, но и представлен почти весь базовый понятийный аппарат, разработанный им для изучения культурного изменения, культурного контакта и аккультурации.

МЕЛВИЛЛ ДЖИН ХЕРСКОВИЦ

ПРОБЛЕМА, МЕТОД И ТЕОРИЯ В АФРОАМЕРИКАНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ*

В этой классической статье Херсковиц определяет область афроамериканистики (афроамериканских исследований) как отдельную область изучения, соотносит ее с

Николаев Владимир Геннадьевич – кандидат социологических наук, доцент социологического факультета Государственного университета «Высшая школа экономики» (Москва). Наш постоянный автор и переводчик. E-mail: ynik1968@yandex.ru.

* Впервые статья была опубликована в 1945 г. в журнале «Afroamerica». Перевод сделан по изданию: *Herskovits M.J. Problem, Method and Theory in Afroamerican Studies // Phylon. 1946. Vol. 7. № 4. P. 337-354.*

другими научными дисциплинами, проясняет ее метод и базовые теоретические допущения и показывает ее значимость для научного изучения человека. Он трактует эту область как междисциплинарную, как своего рода «лабораторию», в которой пересекаются интересы многих дисциплин. Автор описывает такие методологические инструменты, разработанные в этой области, как этноисторический метод и шкала интенсивности африканизмов, а также определяет такие основополагающие для изучения культурного контакта и культурного изменения понятия, как «удержание культуры», «синкретизм», «реинтерпретация», «культурный фокус» и «культурные неуловимости». Эти инструменты и понятия трактуются как применимые не только в афроамериканских исследованиях, но и в гораздо более широких контекстах. Автор представляет ряд общих гипотез, выдвинутых в афроамериканских исследованиях и нуждающихся в проверке на более широком материале.

In this classical paper Melville Herskovits defines a scope of Afroamerican studies as a special field of study, relates them with other disciplines, explicates their method and basic theoretical assumptions, and shows the significance of this field for the scientific study of man. The author treats this field as an interdisciplinary one, as a kind of "laboratory" in which concerns of many disciplines meet and intersect. He describes methodological tools elaborated in this field such as ethnohistorical method and a scale of intensity of New World Africanisms, and also defines concepts basic to the study of cultural contact and cultural change such as retention, syncretism, reinterpretation, cultural focus and cultural imponderables. These tools and concepts are treated as applicable not only in Afroamerican research but also in much wider contexts. The author presents several general hypotheses advanced in Afroamerican studies that need to be tested by wider cultural materials.

Ключевые слова: афроамериканские исследования, междисциплинарные исследования, культурное изменение, удержание (сохранение) культуры, этноисторический метод, шкала интенсивности африканизмов в Новом Свете, культурный фокус, синкретизм, реинтерпретация, культурные неуловимости.

Keywords: Afroamerican studies, interdisciplinary studies, cultural change, retention of culture, ethnohistorical method, scale of intensity of New World Africanisms, cultural focus, syncretism, reinterpretation, cultural imponderables.

1

В этой статье будут обсуждены три элемента научного изучения негров Нового Света и их африканского бэкграунда. До сих пор они присутствовали в моих работах на эту тему по большей части неявно, и теперь настало время сформулировать их эксплицитно. Сюда входят: определение и ограничение этой области изучения, существенное для прояснения цели исследований и для направления будущих усилий; ряд методологических понятий и техник, успешно использованных в этой области; и некоторые гипотезы, служившие ориентирами в исследованиях и выросшие из опыта в этой области.

Не всегда представляют, насколько недавно началось систематическое изучение афроамериканского материала. Еще два десятилетия назад в нашем распоряжении была лишь малая часть того запаса содержательных фактов, который накоплен нами сегодня в отношении негритянских культур Нового Света, цивилизаций, из которых они выросли, и исторических обстоятельств их формирования; и отсюда понятно, почему внимание исследователей тогда обращалось прежде всего на на-

копление данных. Эта сохранявшаяся долгое время фокусировка была особенно уместна ввиду обширности того ареала, в котором живут негры Нового Света, разнообразия их культур, сложности африканских цивилизаций, от которых они ведут свое происхождение, технических трудностей в изучении истоков и запутанности процессов аккультурации, которым они подверглись.

Сегодня научная важность афроамериканских исследований уже ни у кого не вызывает сомнений. В обыденной и научной среде сформировались умонастроения, благоприятствующие дальнейшим исследованиям, а корпус фактических материалов и сравнительных анализов, накопленный теми, кто работает в этой области, позволяет оценивать гипотезы и процедуры на основе собранных данных и достигнутых результатов, а не в терминах вероятной достоверности и возможной отдачи. Итак, пришло время провести инвентаризацию, эксплицитно сформулировать теоретические допущения и усовершенствовать техники.

2

Важной особенностью афроамериканских исследований является их междисциплинарный характер, и эту черту следует всякий раз принимать во внимание, когда заходит речь о проблемах определения или метода. К тому же афроамериканские исследования не только кроссдисциплинарны, но еще и межконтинентальны, охватывая своим интересом народы, проживающие в Северной, Южной и Центральной Америке, на Карибах и в Африке. С точки зрения конвенциональной организации науки из этого междисциплинарного и межконтинентального охвата вытекает множество следствий. Эта область пересекает так много границ, что ее нельзя определить в терминах любых общепринятых категорий, и этот факт объясняет как ее позднее признание в качестве определяемой научной области, так и некоторые практические трудности, с которыми то тут, то там сталкивались люди, работавшие над ее многочисленными проблемами.

То, что ответвления таких исследований простираются в социальные, гуманитарные и биологические науки, вытекает из самой природы ее данных. В этом наша научная область не отличается от любых других исследований, нацеленных на получение всесторонней картины жизни человека или любой группы людей. Стоит тем не менее напомнить, как в афроамериканистике исследователям приходилось прибегать к ресурсам антропологии, истории и психологии для достижения понимания социальных структур, принятых паттернов поведения и предшествующего развития изучаемых обществ, как приходилось обращаться к лингвистике, музыковедению и сравнительному литературоведению, чтобы почерпнуть из них техники для проникновения в некоторые наиболее важные данные в этой области, и как такие проблемы, как частота и последствия расового смещения, динамика формирования негритянского населения и т.п., приходилось изучать, пользуясь техниками и ориентирами человеческой биологии и демографии. Не каждый ученый способен изучить любую проблему; и большинство исследователей-негров пришли к осознанию того, что их компетентность в дисциплине, являющейся их первичной специализацией, дает им не более чем отправную точку для дальнейших усилий и что их область интереса особым образом расширяется по мере того, как они движутся туда, куда их влекут данные, даже если это требует игнорирования текущего разграничения научных интересов.

Схожим образом пришлось выйти и за рамки принятых региональных подходов к упорядочению исследований. Исследования, ограничивающиеся латиноамериканскими проблемами, Соединенными Штатами, Африкой или каким-то отдельно взятым карибским островом, конечно, вносят свой вклад в афроамериканские исследования. Ведь там, где данные так рассеяны, как в нашей области, приветствуются любые вклады. Но те, у кого поле зрения не было таким узким, хорошо знают, насколько исследования в этих ареалах обогащаются более широким взглядом. Одним из самых красноречивых примеров является помощь, которую изучение негритянских народов Нового Света может оказать более полному пониманию культур самой Африки. Это тем более поразительно, что переворачивает обычный порядок мышления, фокусирующий внимание на африканских пережитках в Новом Свете. То, что изучение африканских образов жизни имеет существенное значение для понимания пережитков этих обычаев, — трюизм. Но что, можем мы спросить, может дать анализ пережитков для понимания их источников?

Хотя мы и не можем здесь документально это обосновать, достаточно просто напомнить, что пережиток — это показатель упорства, а оно, в свою очередь, раскрывает общие ориентации в родительских культурах, которые без такого фона иногда бывает невозможно должным образом выделить. Это касается, например, места религии в африканских культурах, теоретическую важность которого мы рассмотрим чуть позже. Кроме того, исследованиями по эту сторону Атлантики выявляются важные специфические комплексы, на которые в африканистике совсем не обращали внимания. Один из последних примеров — место барабанщиков не только в культовых ритуалах, но и в жизни сообщества в целом. После того как его впервые заметили в культуре негров Нового Света, оказалось достаточным коротко расспросить африканцев, чтобы оно явило себя как важная грань социальной организации в самой Африке, которую вообще до сих пор не изучали.

Хотя область афроамериканских исследований пересекается со многими дисциплинами и исследованиями многих географических регионов, она отлична от всех областей, от которых зависит. Отсюда следует, что вопрос о том, к какому классу отнести те или иные исследования, должен решаться в зависимости от преобладающих в них акцентировок и намерений. Это источник множества практических трудностей. Статьи об африканских культурах, строящиеся на исследованиях, которые стимулируются интересом к потомкам африканцев в Новом Свете, могут выходить в африканистских журналах, где значительная часть их полезности для тех, кто сосредоточен на изучении негритянских обществ Нового Света, оказывается потерянной; отчеты об исторических аспектах этой области, часто печатаемые в журналах по истории, не замечаются теми, кто, изучая афроамериканские проблемы, имеет первичную связь с другими дисциплинами. И наоборот, африканисты, ограничивающие свою работу народами Африки, не извлекают пользы из исследований, проводимых в Новом Свете, а специалисты по негритянской истории, круг интересов которых ограничен их дисциплиной, — из работ об иных аспектах негритянской жизни, нежели исторические, в то время как эти игнорируемые ими исследования могли бы открыть им новые перспективы.

В ответ на это может быть высказано резонное предположение, что достигнутые конвенциональными дисциплинами результаты в достаточной мере оправдывают их существование, чтобы мы трижды думали, прежде чем пересекать их границы,

проверенные временем и опытом. В конечном счете, однако, упорядочение любой научной области должно исходить из природы материала, с которым она работает, ведь наиболее плодотворные результаты могут быть получены лишь тогда, когда факты изучаются как они есть, без тех предпонятий, которые в таком случае, как обсуждаемый нами, приводят к искажениям, если не рассматривать их с точки зрения всех взаимосвязанных аспектов.

Это подводит нас к сущности тех вкладов, которых можно ожидать от афроамериканских исследований, и это — основополагающий момент при обсуждении значимости данной области для научных исследований. Прежде всего она охватывает данные, которые, в силу контроля со стороны истории и широты относящихся сюда материалов, очень близки к тем лабораторным ситуациям, которых при изучении человека достичь труднее, чем реализации любого другого методологического требования из репертуара науки. Таким образом, само то, что проведение афроамериканских исследований опирается на методы многих дисциплин и охватывает много разных областей, придает им особую значимость для научного изучения человека. Ведь здесь могут осуществляться сравнительные исследования смещений физических типов, языков и способов поведения, исходящие из известных, а не предполагаемых прошлых контактов. И хотя в этом плане афроамериканские исследования не отличаются по типу от исследований других групп с разными бэкграундами, между которыми имеет или имел место контакт, они отличаются от них [качественно], что выражается в широчайшем разнообразии исследуемых в данной области ситуаций.

Выразить, насколько афроамериканистика отличается от дисциплин, на которые она опирается, нетрудно. В той степени, в какой ее проблемы будут пониматься в их сферах интереса, такие проблемы имеют легкоузнаваемую принадлежность. Так, исследование землевладения на карибском острове могло бы встретить радушный прием в экономическом журнале, анализ негритянского музыкального стиля — в музыковедческом издании, описание физических характеристик североамериканского негритянского сообщества — в органе, посвященном проблемам физической антропологии. Даже если в публикации имеются кроссдисциплинарные соображения, ее могут принять в журналах, посвященных дисциплине, на которую делается основной акцент, или — чаще — в той области, в которой исследователь специализируется. Это одна из причин, по которым в афроамериканских исследованиях возникают серьезные библиографические трудности. Обычно оказывается так, что, даже пролопатив содержание журналов, относящихся к нескольким дисциплинам, статьи находишь в самых неожиданных местах — зачастую случайно или по чьей-то наводке и невзирая на систематический поиск.

Чтобы провести разграничение между ареальными исследованиями и афроамериканскими исследованиями, требуются более тонкие дистинкции, поскольку сюда вторгается проблема действительных исторических связей. Нетрудно сказать, что изучение латиноамериканских негров вносит вклад в латиноамериканские исследования, пусть даже здесь мы снова сталкиваемся с пересечениями. Тем не менее остается неясным, в какой степени детальное исследование негритянских социальных конвенций, музыки или религиозных верований, не имеющих значительного распространения в других элементах населения данной латиноамериканской страны, может считаться вкладом в изучение Латинской Америки иначе нежели во вторую очередь.

С африканистикой дело обстоит несколько иначе. В прошлом, когда происхождение негров Нового Света было еще не так хорошо известно, как сегодня, считалось, что для эффективного сравнительного изучения негров Нового Света необходимо знание африканской культуры в целом. Сегодня, однако, можно спросить, зачем оно нужно, кроме как для [расширения] кругозора. Полевые исследования восточноафриканских культур, исследование работорговли в Занзибаре, анализ искусства бушменов или исследование физических типов зулусов имеют дело с народами, не оказавшими действительных исторических влияний на паттерны негров Нового Света; ведь из тех частей Африки, в которых они живут, в Новый Свет людей вывозили так мало, что их влияние на формирование негритянских типов и культур Нового Света могло быть лишь незначительным.

Еще один момент, который следует выделить для прояснения пределов области афроамериканских исследований, связан с изучением тех ситуаций повседневной жизни, воздействующих на негров во многих странах, которые представляют серьезные практические проблемы, требующие немедленного решения. Поскольку исследователь — это еще и гражданин, обладающий обостренным осознанием требований, порождаемых этими ситуациями, то велико искушение отказаться от долгосрочного видения в пользу решения проблем *ad hoc*. Особенно это относится к США, где почти исключительная озабоченность программами действия многие годы отбивала охоту от того типа широких исследований, который характеризует афроафриканистику. Здесь не место обсуждать проблему прикладной науки, в противоположность исследованиям, проводимым на долгосрочной основе; тем не менее важно провести и не терять из виду это различие. Ибо даже при взгляде в недалекое будущее широкая основа понимания, которую результаты афроамериканских исследований могут дать тем, кто разрабатывает программы действий, сама по себе оправдывает положение, что такие исследования нужно отличать от реформистских программ в проблемной области расовых отношений.

Наконец, следует подчеркнуть, что афроамериканские исследования не должны ограничиваться изучением одних только негритянских популяций и их культур, но должны идти глубже и оценивать вклады, внесенные Африкой в те народы, среди которых негры жили. Так, когда расовое скрещивание вносит негроидные элементы в генетический склад не-негроидных групп, это такой же важный предмет для исследования, как и определение физических признаков негроидной группы. Параллельные культурные феномены вообще не изучались систематически, разве что, возможно, в Бразилии. Тем не менее культурное заимствование — причем заимствование двустороннее — следует за контактом между народами разных физических типов столь же неизменно, как и скрещивание рас. Теоретическая значимость этого факта очевидна. Эта проблема ставится здесь с целью подчеркнуть необходимость включения в репертуар афроамериканских исследований изучения не только сохранения в Новом Свете африканской традиции, но также того, как и в какой степени африканский обычай проникал в аборигенные индейские народы и народы европейского происхождения, переживавшие продолжительный контакт с африканцами и их потомками.

3

В той степени, в какой проблемы афроамериканских исследований укладываются в сферы ведения утвердившихся дисциплин или требуют междисциплинарного

исследования того типа, который уже используется вне афроамериканистики, вопрос метода не представляет никаких трудностей. В сравнительных исследованиях негритянской музыки используются методы музыковеда, в сравнительных исследованиях языка — методы лингвиста, в исследованиях сегодняшней негритянской семьи или стандартов жизни негритянских популяций — подходы социолога или экономиста. Целостные описания любой из этих культур, будь то в Африке или в Новом Свете, требуют этнологических полевых методов, а для анализа психологических проблем, возникающих из образа жизни негритянского народа, применяются методы социальной психологии. Исследования работорговли или экономики плантаций, хотя они и являются кроссдисциплинарными, находят готовые исследовательские техники в моделях исследований, которые используются в экономической истории.

Довольно странно, но ресурсы этнологии и истории были вплавлены в пригодный для применения инструментарий лишь недавно. Несмотря на то что есть исторические школы в этнологии и социальная история, с этими дисциплинами было очень мало контактов. «История» в этих этнологических школах базировалась на реконструкции событий, а не на документации; а социальный историк, несмотря на тот свет, который его труды проливали на развитие изучавшихся им институтов, работал в первую очередь как историк и лишь изредка и в последнее время стал обращаться к методам социальных наук. Не обходилось, разумеется, без исключений. Исследования некоторых индейских групп в Соединенных Штатах дают примеры того, как с помощью исторических источников удавалось прояснить этнологические проблемы, а историки американского фронта все более и более считают необходимым принимать во внимание релевантные этнологические факты.

Опыт учит нас, что методы этих двух дисциплин более, чем какие-либо другие, должны применяться вместе, чтобы разные ситуации, изучаемые в афроамериканских исследованиях в сравнительном ключе, анализировались с пониманием. Необходимо подчеркнуть, что эта область, конституирующая особый случай культурного контакта, черпает свою высочайшую значимость из того факта, что она великолепно документирует проблемы культурной динамики. При исследованиях культурного контакта принципиально важно устанавливать культурную черту отсчета, от которой начинаются процессы изменения, знать относящиеся к культуре или культурам факты, возникшие или возникающие из контакта, и понимать, как и при каких обстоятельствах действительно развивались феномены, наблюдаемые в культуре, возникшей в результате контакта. Первая из названных задач требует этнографического исследования; требует его в какой-то мере и вторая. Однако вторая требует, наряду с ним, исторического исследования, а для решения третьей требуется подход уже существенно исторический.

Этноисторический метод — так назовем мы этот комбинированный этнологическо-исторический подход — приобрел основополагающее значение для систематических афроамериканских исследований, ведь до тех пор, пока применение этого метода не утвердилось окончательно, трудно было достичь нужной фокусировки внимания, и сравнительные исследования были почти невозможными. Именно с помощью этого метода и только благодаря ему у нас появилась возможность восстановить преобладающие региональные и племенные корни негров Нового Света и, располагая этой информацией, обратиться к этнографическим исследованиям в Африке с уверенностью в том, что собранные там материалы будут релевантны про-

блемам удержания культуры и культурного изменения, находимым в Новом Свете. Кроме того, этот метод дал возможность проверить обоснованность огромного запаса документальной информации о рабах и рабском труде, жизни на плантации, реакциях негров на нее и т.п. и осознать потенциальную полезность этих материалов. Также в высшей степени важным было непрерывное сравнение этнографических фактов, находимых по разные стороны Атлантики; ведь этноистория, используемая в изучении афроамериканских проблем, состоит по сути дела в применении сравнительного этнографического метода для выявления на основе письменных источников исторического хода событий, который привел к установлению и функционированию негритянских культур Нового Света, существующих в настоящее время.

Этноисторический подход не только оказался способен зафиксировать африканские истоки негритянских культур Нового Света, но и доказал свою огромную ценность для объяснения тех различий, которые обнаруживаются между культурами негров, живущих в разных частях Нового Света. Так, в сравнительных этнографических исследованиях обнаружилось, что культуры лесных негров Голландской Гвианы и маронов Ямайки манифестируют свои африканизмы главным образом в виде удержаний культуры Золотого Берега, а культуры Гаити производны от дагомейской культуры и культуры йоруба. Документы сообщают нам, что голландские и английские плантаторы предпочитали рабов с Золотого Берега — не только потому, что их легче было найти на рынке невольников у продавцов-соотечественников, но и в силу тех рационализаций, которые установились в отношении негров из племен этого ареала по сравнению с другими видами негров. С другой стороны, они ясно показывают, что рабовладельцы романского происхождения ровно по тем же причинам предпочитали дагомейских и йорубских рабов. И вот так решается проблема, которую иным образом решить было бы трудно.

Другое методологическое средство, доказавшее свою исключительную ценность для анализа проблем афроамериканских исследований, — шкала интенсивности африканизмов в Новом Свете. Это логически выстроенный континуум, охватывающий весь диапазон случаев от удержания всецело или почти всецело африканских культур до культур наименее африканских и наиболее европейских (индейские элементы изучены так мало, что их нельзя включить в классификацию). Этот континуум позволяет расположить данные в таком порядке, который позволяет постичь процесс культурного изменения через сравнение культур, различные аспекты которых находятся в разных его точках. А это, в свою очередь, облегчает анализ процессов, вызывающих культурные изменения, наблюдаемые в ходе полевых исследований.

Необходимо подчеркнуть, что, как и всегда в научном исследовании, такой инструмент классификации, как шкала интенсивности африканизмов, является всего лишь средством для достижения цели, а не самой целью. В данном случае цель — понимание процесса, единственно способное привести к надежному предсказанию. Чтобы способствовать достижению этой цели, классификация должна выводиться с помощью индукции из самих данных, а не навязываться данным на манер априорных категорий; обычная растасовка материала по заранее заданным рубрикам является насилием над научной реальностью. Научный анализ невозможен без классификации данных, и в этом состоит значимость этого ряда категорий; но нельзя слишком уж сильно напирать на то, что классификация как таковая не может ничего сказать нам о причинах, связях или процессах изменения.

Впервые *шкала интенсивности африканизмов* была установлена чуть более десятилетия тому назад. В то время, однако, данных было очень мало, в сравнении с нынешними ресурсами; поэтому список с необходимостью был предварительным и делался в терминах целых культур, ареалов или стран. Места на шкале — от наиболее до наименее африканских — приписывались таким группам, как негры Гвиан, Виргинских островов или Гаити. Спустя несколько лет эта начальная классификация была пересмотрена, но все еще в таких же обобщающих терминах, хотя для расширения и исправления списка были использованы дополнительные данные из разных регионов. Хотя эта пересмотренная формулировка предпочтительнее предыдущей, она все же оказалась проще, чем того требовала природа материала. Ибо такие широкие категории не освещают адекватно сложность данных и часто, по сути дела, скрывают связи, а не раскрывают их, т.е. не служат той задаче, которую они призваны решить.

Шкала, приведенная в этой статье, представляет собой применение к афроамериканским исследованиям определенных методов анализа культур, которые все чаще использовались по мере того, как развивалось знакомство с человеческими образами жизни. Иначе говоря, теперь мы знаем, что широкие подразделения культуры и даже отдельные институты ведут себя в разных ситуациях по-разному. Это не значит, что любой данный корпус традиции должен мыслиться не иначе как единое целое, все элементы которого тесно взаимосвязаны. Но при этом пришло осознание того, что исторические силы, действующие в любой данной ситуации, — силы, по самой своей сути уникальные в каждой своей детали, — будут приводить к разным результатам в разных случаях, когда ими затрагиваются разные аспекты культуры и когда в данной культурной категории оказываются заключены разные институты.

В этой связи полезен принцип культурного фокуса, обсуждаемый ниже, поскольку его следствия для динамики культуры в этой ситуации, как и во всех прочих, состоят в том, что он дает важный рычаг для осуществления изменений в каких-то одних аспектах образа жизни народа, а не в других, или — в условиях контакта — для оказания неравномерного сопротивления изменению. Так, давления извне, толкавшие негритянские группы к отказу от имевшихся экономических паттернов, были в Новом Свете гораздо сильнее давлений, направленных против сохранения народных сказаний или светских музыкальных форм; поэтому в последних африканский характер проявляется гораздо больше, чем в первых. С другой стороны, внутренние принуждения, проистекавшие из фокального интереса африканцев к сверхъестественному, обычно сопротивлялись давлениям (в разных странах разным), используя разные виды приспособления к ним (все они описаны); в итоге в религиозном поведении негров Нового Света повсеместно явным образом присутствуют африканизмы.

Здесь приводится усовершенствованная версия шкалы интенсивности африканизмов, сделанная уже не в терминах тотальных культур, а в терминах аспектов внутри каждой культуры, насколько этого позволяют достичь наши данные. Кроме того, мы добились еще одного усовершенствования, разбив на части ареалы, ранее фигурировавшие в качестве целостных единиц, там, где материалы указывали на то, что в том или ином регионе можно выделить районы с разными паттернами и степенями удержания африканских черт. Но поскольку очевидно, что в любой части Нового Света, где живут негры, за исключением разве что гвианского буша, воздействие классовых различий создает вариации в числе и интенсивности африканизмов внутри каждой негритянской группы, то наша таблица будет показывать для каждой

группы только ту степень сохранения, которая наиболее приближена к африканскому обычаю.

Поскольку этот момент имеет решающее значение для правильного прочтения таблицы и адекватного понимания ее значимости, его здесь можно пояснить подробнее. Баия, например, оценивается как наиболее африканская по языку, поскольку только там сохранились целые африканские наречия, в то время как в других местах сохранились в лучшем случае лишь отдельные африканские слова, выражения или грамматические структуры. Фактически же в своей повседневной речи негры в провинции Баия проявляют, пожалуй, даже меньше африканских элементов, чем в других местах, так как говорят на том же португальском, что и все бразильцы, причем с меньшим числом элементов африканской лексики, произношения или грамматики, чем можно обнаружить в речи почти любой другой негритянской группы Нового Света.

Нельзя слишком уж сильно подчеркивать, что в каждом ареале Нового Света (за исключением гвианского буша) вариации в африканских формах поведения охватывают весь диапазон от точки наибольшей интенсивности, отмечаемой в нашей таблице, до почти полного соответствия европейскому образу жизни. Задачей при этом становится объяснение разных степеней изменчивости в разных изучаемых популяциях. Но поскольку изменчивость почти в каждом случае доходит до предела, установленного конвенциями европейского обычая, то можно увидеть, насколько важен анализ удержаний африканской конвенции для открытия того, насколько далеко распределение черт простирается в сторону паттернов, составлявших культурное оснащение предков нынешних негритянских популяций, а это – центральный интерес в афроамериканских исследованиях.

Итак, в таблице 1 представлены степени интенсивности африканизмов для разных аспектов культуры и регионов, и оцениваются они по наиболее африканским проявлениям данного культурного аспекта или института. Присвоение значений в каждом случае производилось либо на основе моих собственных полевых исследований в перечисленных регионах, либо исходя из отчетов подготовленных и квалифицированных наблюдателей в случае тех ареалов, с которыми у меня не было непосредственного личного контакта. Примерные значения, приводимые в таблице, понимаются широко: для обозначения категорий интенсивности используются такие термины, как «в высокой степени африканские», «в значительной степени африканские» и т.п. Большая степень конкретности только расширила бы область возможных разногласий между исследователями, и никакой пользы в ней нет, ибо все классификации таких данных неизбежно субъективны, по крайней мере при нынешнем состоянии нашего знания и при тех технических ресурсах для анализа культуры, которыми мы располагаем. Источники данных указаны в примечании, приведенном в конце статьи.

Большая точность в трактовке этих данных могла бы многое показать, но техники анализа черт, видимо, слишком механические и слишком сильно попирают единство культурных элементов, чтобы их можно было с пользой применить в этом случае. Аналогичным образом эти обозначения надлежит рассматривать как введенные исключительно ради удобства; и толковать их как что-то большее, нежели просто полезные символы, значило бы создать атмосферу обманчивой точности, против которой нельзя не высказать самых серьезных предостережений.

Таблица 1. Шкала интенсивности африканизмов в Новом Свете
(для каждой группы указывается только наибольшая степень сохранения)

	Техно- логия	Эконо- мичес- кая жизнь	Социа- льная органи- зация	Инсти- туты, не относя- щиеся к родству	Религия	Магия	Искус- ство	Фольк- лор	Музыка	Язык
Гвиана (буш)	b	b	a	a	a	a	b	a	a	b
Гвиана (Парамарибо)	c	c	b	c	a	a	e	a	a	c
Гаити (крестьяне)	c	b	b	c	a	b	d	a	a	c
Гаити (горожане)	e	d	c	c	b	b	e	a	a	c
Бразилия (Баия)	d	d	b	d	a	a	b	a	a	a
Бразилия (Порту-Алегре)	e	e	c	d	a	a	e	?	a	c
Бразилия (северная, городская)	e	d	c	e	a	b	e	d	a	b
Бразилия (северная, сельская)	c	c	b	e	c	b	e	b	b	d
Ямайка (мароны)	c	c	b	b	b	a	e	a	a	c
Ямайка (в целом)	e	d	d	d	c	b	e	a	b	c
Тринидад (Токо)	e	d	c	c	c	b	e	b	b	d
Тринидад (Порт-оф-Спейн)	e	d	c	b	a	a	e	b	a	c
Куба	?	?	?	c	a	a	?	?	b	?
Виргинские острова	e	d	c	d	e	c	?	b	?	d
Острова Галла	c	c	c	d	c	b	e	a	b	d
США (аграрный Юг)	d	e	c	d	c	c	e	c	b	e
США (Север)	e	e	c	d	c	c	e	d	b	e

a – в высокой степени африканские

b – в значительной степени африканские

c – в некоторой степени африканские

d – в небольшой степени африканские

e – слабые отголоски африканского обычая или вообще отсутствие таковых

? – нет данных

При ознакомлении с таблицей становится ясно, что суммарные оценки, сохранившиеся в ранней версии шкалы, в основном подтверждаются этими усовершенствованными табуляциями; основное же прояснение происходит в направлении указания на изменчивость удержания африканских элементов в той или иной стране. Особенно интересен показ того, что по некоторым из черт вытянутость континуума к полюсу африканских традиций в [указанных] центрах населения может проявляться больше, чем в Бразилии. Вместе с тем, взятая в целом, эта прогрессия – Гвиана, Гаити, Бразилия, Ямайка, Тринидад, Куба, Виргинские острова, острова Галла, Юг и Север США – образует ряд, внутри которого отчетливо проявляется падение интенсивности африканизмов. Этот ряд будет дополнен после того, как будет проведена полевая работа в еще не изученных ареалах, но, судя по всему, у нас мало шансов найти в Новом Свете негритянские культуры более африканские, чем культуры внутренних районов Голландской Гвианы, и менее африканские (в узнаваемом виде), чем находимые у некоторых негритянских групп в северной части Соединенных Штатов.

Если перейти теперь к разным степеням, в которых разные элементы в каждой из этих культур реагировали на контакт с неафриканским образом жизни, то мы видим, что перенос африканизмов никоим образом не является единообразным и что в тех или иных отдельных культурах он проявляется в каких-то аспектах гораздо больше, чем в других. Можно, однако, вывести и некоторые обобщения. Музыка, фоль-

клор, магия и религия в целом больше сохраняли свой африканский характер, чем экономическая жизнь, технология и искусство, а язык и социальные структуры, основанные на родстве или свободной ассоциации, обычно варьируют во всем диапазоне обозначенных степеней интенсивности.

Вероятно, эти различия обусловлены обстоятельствами рабской жизни и подтверждают обыденные наблюдения, сделанные во времена рабства. Рабовладельцев заботили прежде всего технологические и экономические стороны жизни их рабов, а условия рабской жизни также с необходимостью деформировали любые паттерны африканских социальных структур, которые негры чувствовали себя обязанными сохранить. С другой стороны, хозяевам было все равно, какие рассказы-вались предания и какие пелись песни, и на пути их сохранения ставилось мало внешних препятствий. В случае религии внешние способы контроля были очень разными, и столь же разными были степени реагирования на них, что отражается в промежуточном положении этого культурного элемента. Магия, которая в условиях давления стремится уйти в подполье и может легко практиковаться вдали от посторонних глаз — здесь особенно важна сила специфических психологических принуждений, — сохранялась в узнаваемой форме повсюду, в особенности благодаря тому, что огромное сходство между африканской и европейской магией позволяло одному культурному потоку поддерживать другой. То, что африканское искусство не выжило нигде, кроме Гвианы и, в меньшей степени, Бразилии, понятно, если вспомнить о том, что жизнь раба оставляла мало свободного времени и давала мало стимулов для производства искусства в аборигенном африканском стиле, как, впрочем, и в любом другом стиле.

Еще один факт, выясняющийся из нашей таблицы, — это неодинаковая изменчивость перечисленных в ней аспектов культур в Новом Свете в целом. Только религия и язык, максимально приближающиеся к африканским паттернам, охватывают все степени интенсивности. Минимум изменчивости проявляет музыка, всюду сохранившая по меньшей мере «в значительной степени африканскую» форму. Достойна внимания и степень изменчивости в каждой из этих групп, поскольку видно, что наиболее африканская культура лесных негров является также и наиболее однородной в плане африканской природы разных ее элементов, в то время как негритянские культуры США, проявляя сопоставимую степень однородности, выражают свое гомогенное качество на противоположном конце шкалы.

Показываемые таким образом факты имеют как частную, так и общую значимость. Для исследователей афроамериканских проблем эти различия становятся проявлениями, дающими ключи для дальнейшего исторического и этнологического анализа, так как предполагается, что объяснение таких различий должно обнаруживаться в способах организации рабского труда и условиях жизни рабов, поскольку они воздействовали на туземные паттерны индивидов, происходивших из разных релевантных культур Африки. В более широкой перспективе понимания культуры в целом, однако, такая трактовка свидетельствует о понимании культуры как ряда взаимосвязанных, но квазинезависимых переменных, претерпевающих процессы изменений в соответствии с особой исторической ситуацией, в которой происходит воздействие новых идей и новых обычаев, а также с фокальными интересами народов, которые, подобно неграм Нового Света, осуществляют культурное и психологическое приспособление в ответ на свой исторический опыт.

4

Гипотеза, лежащая в основе изучения африканских культурных пережитков в Новом Свете, вытекает из концепции человеческой цивилизации, согласно которой социальное поведение есть нечто изучаемое (*learned*), а не врожденное и инстинктивное. Это значит, что хотя культур, т.е. принятых способов поведения, конфигураций институтов и систем ценностей и целей, так же много, как и обществ, каждой культурой или любым из ее элементов может овладеть любой индивид, какой бы расы он ни был, и любая группа, у которой есть воля и возможность овладеть ими.

Из нашего понимания культуры как того, что усваивается в обучении, вытекает, что заимствование традиций одним народом у другого — обычное дело, и исследованиями действительно установлено, что в человеческом социальном опыте заимствование культуры является универсалией. Сегодня ясно, что когда бы два народа ни оказывались в контакте, они неизменно перенимали друг у друга новые идеи и новые обычаи, причем совершенно независимо от того, был ли контакт дружеским или враждебным, имел ли он место между группами одинакового или разного размера, существовала ли между ними разница в престиже или они встречались на основе равенства.

Таким образом, концепция культуры, на которой базируются наши гипотезы, предусматривает действие принципа постоянного изменения через заимствование или внутреннюю инновацию, но в то же время полагает в каждой культуре высокую степень стабильности, обеспечиваемую передачей привычек, обычаев, представлений и институтов от поколения к поколению. Иначе говоря, индивидуальный член общества учится тому, как вести себя в той или иной ситуации, как оперировать техниками, обеспечивающими его общество средствами к существованию, как адаптироваться к данной системе влечений, вознаграждений и ценностей, поскольку его всему этому учат или он все это наблюдает. Возникающий в результате культурный консерватизм придает повседневной жизни устойчивость и прочность, во многих работах недостаточно признаваемые; и они приобретают особую значимость при изучении африканизмов у негров Нового Света.

Если, стало быть, мы полагаем, что культура пребывает в постоянном изменении в силу того, что она усваивается, а не дана от рождения, и вместе с тем усваивается индивидами, образующими любое данное общество, столь хорошо, что склонность людей к консервированию традиции придает каждой культуре значительную устойчивость, то следующая задача — разрешить этот кажущийся парадокс, изучив условия, при которых происходит закрепление изменений или удержание конвенций обеспечивает успешное сопротивление изменению. По сути, это проблема балансировки побуждений, влекущих к принятию новых обычаев, и механизмов, оберегающих санкционированные ранее способы поведения. Здесь афроамериканские исследования как раз и могут внести свой самый значительный вклад.

Можно сказать, что основная гипотеза, состоящая в том, что культура есть нечто усваиваемое в обучении, наполняется более точным смыслом при понимании того, что в условиях контакта элементы культуры сохраняются тем эффективнее, чем больше в них сходства с входящими в опыт новыми паттернами поведения или институтами. Это, в свою очередь, становится еще яснее при соотнесении с процессом *синкретизма* — тенденцией отождествлять элементы новой культуры со схожими элементами старой, которая позволяет людям, переживающим контакт, психо-

логически непринужденно переходить от одних к другим и обратно. Прекрасным примером синкретизма служит наблюдаемое нами в католических странах Нового Света отождествление африканских божеств с католическими святыми; феномен этот столь хорошо документирован, что здесь нам достаточно просто его назвать.

Обнаружение того, что тот же самый принцип действует в Западной Африке, на южной границе мусульманского влияния, где у хауса языческие *иска* отождествляются с *джинном* из Корана, повышает его обоснованность. Если же применить наш анализ к протестантским странам, где такого рода синкретизм невозможен, то выясняется, что, хотя имена африканских божеств сохранялись здесь очень редко, синкретизм в этом случае принимал другие, более генерализованные формы. Примером служит удержание африканского требования инициации в религиозную группу посредством синкретизации его с христианским понятием освящения, достигаемого через подготовку к крещению, или в такой форме, как институт «*mournin' ground*».

Теперь нужно установить другой принцип — принцип *реинтерпретации*. Ибо в тех случаях, когда синкретизмы создать невозможно, сила культурного консерватизма, дабы исконная культура вообще выжила, ищет выражение в содержании, а не в форме, в психологической ценности, а не в названии. Здесь опять же принимается гипотеза о важности сходства старого элемента с новым. Реинтерпретация тоже требует — хотя и в меньшей степени, чем в случае синкретизмов, — чтобы некоторые характеристики нового культурного элемента были соотнесены теми, кому он преподносится, с соответствующей частью исходного элемента; только после этого механизм может эффективно работать.

Таким образом, например, паттерн полигинной структуры семьи был переинтерпретирован в терминах последовательных, а не одновременных множественных браков (*matings*), что вызвало целую череду приспособлений. Не самым последним среди них было отторжение негритянской группой применения европейской интерпретации незаконности к потомству брачных союзов, не санкционированных законом, и к юридическому разводу, поскольку в рамках исконных конвенций эти законы бессмысленны. Степень, в которой новые ориентации такого рода находят распространение среди негров всюду в Новом Свете, демонстрирует эффективность обсуждаемого механизма для достижения не только культурной, но и психологической адаптации к новой среде. Можно было бы также подтвердить это примерами, относящимися к другим аспектам культуры: экономической жизни, религии, музыке, если бы мы располагали для этого местом. Приведенного примера будет, однако, достаточно, чтобы проиллюстрировать выведенный нами принцип.

Между тем удержание исконного обычая в условиях контакта в случае как синкретизмов, так и реинтерпретации — только одна сторона проблемы. Другая — это принятие преподносимого новшества. Здесь вступает в игру много неуловимых вещей (*imponderables*), и самая важная среди них — это степень, в которой внешнее принятие включает в себе перенос ценностей и интерпретаций как в институциональном, так и в психологическом смысле. Разумеется, это поднимает одну из самых трудных проблем во всей области культурной динамики: бывает ли вообще так, чтобы элемент культуры перенимался без некоторой степени реинтерпретации, пусть даже при самом добровольном заимствовании?

Если этим частным вопросом, однако, на какой-то момент пренебречь, то мы увидим, что синкретизм и реинтерпретация — это не только средства, с помощью

которых достигается удержание старого, но в то же время и то, что действительно способствует принятию нового. Последовательный ряд браков, в которые вступают мужчина или женщина, предполагает принятие принципа моногамии, одновременно указывая на метод, с помощью которого благодаря реинтерпретации удерживается старая традиция полигинии. Там, где африканские боги синкретизировались с католическими святыми, значимость того, что негры, зовущие себя католиками, приняли новую религию, нельзя упускать из виду при чрезмерной фокусировке внимания на сохранении исконных божеств.

Когда мы подходим к делу ближе, выясняется, что проблема еще более усложняется избирательной природой заимствования на другом уровне. В ходе сравнительного анализа африканских культур и негритянских культур Нового Света выясняется, что даже в условиях принуждений, исходивших от доминантной культуры белых, негры сохраняли африканские религиозные верования и практики в гораздо большей мере, чем экономические паттерны. Но когда мы исследуем паттерны африканских культур, мы обнаруживаем, что в повседневной жизни нет такой деятельности, которая бы не черпала свое обоснование в сверхъестественных санкциях. Таким образом, последние присутствуют в совокупной жизни народа гораздо основательнее, чем любая другая отдельная грань культуры, как, скажем, вещи, имеющие отношение к жизнеобеспечению, семейной структуре или политическим институтам. Эта нагруженность интересов народа конституирует фокус его культуры. Таким образом, *культурный фокус* видится как феномен, который придает культуре ее особую акцентировку, который позволяет человеку со стороны ощутить ее особый отличительный аромат и охарактеризовать в нескольких выражениях ее существенную ориентацию.

Роль культурного фокуса в ситуациях культурного контакта настолько важна, что можно выдвинуть еще одну гипотезу, согласно которой элементы, находящиеся в области фокуса принимающей культуры, будут сохраняться в большей степени, чем элементы, относящиеся к другим аспектам культуры, а наибольшая восприимчивость будет обнаруживаться в аспектах культуры, наиболее удаленных от фокальной области. Там, где культура оказывается под давлением доминирующей группы, стремящейся добиться принятия ее традиций, элементы, находящиеся в фокальной области, будут удерживаться дольше, чем элементы, находящиеся вне ее, хотя в этом случае удержание будет с необходимостью проявляться в синкретизмах и реинтерпретациях.

Например, во внутренних районах Голландской Гвианы едва ли не единственными находимыми там европеизмами оказываются европеизмы, относящиеся к области материальной культуры. В Бразилии, где негры в основном принимают господствующий европейский экономический порядок, они приспособляются к требованиям католической церкви, синкретизируя своих африканских божеств и продолжая поклоняться им так, как это делают в Африке. В Соединенных Штатах, где давление было наиболее жестким, не сохранилось почти никаких африканских экономических паттернов, а адаптация к протестантизму была отмечена удержанием многочисленных африканизмов посредством реинтерпретации.

Еще один момент, заслуживающий внимания, касается того, в какой степени элементы культуры, могущие быть периферийными для фокальной области, но интенсивно проявляющиеся в сознании народа, т.е. требующие мышления или при-

нения решений, удерживаются в ситуации контакта по сравнению с элементами, переносимыми, так сказать, ниже уровня сознания. Последние элементы можно назвать *культурными неуловимостями* (cultural imponderables). Наиболее яркими их примерами являются языковые паттерны и музыкальный стиль, а также санкции, содержащиеся в тех детерминантах поведения, которые включают типы моторных привычек, системы ценностей или кодексы этикета. Исследования показали, что проявления африканской культуры, в которых присутствует мало осознанности, сохранялись в Новом Свете в гораздо большей степени, чем культурные элементы, лежащие вне области культурного фокуса. Это неудивительно, если учесть действующие здесь факторы, ибо культурные неуловимости, будучи элементами культуры, почти не доходящими до сознания, принимаются на веру и, следовательно, вытесняются из паттернов мышления и поведения индивидов, подверженных воздействию новой культуры, гораздо труднее по сравнению с элементами, которым приходится непрерывно уделять внимание.

В качестве иллюстрации можно привести язык и музыкальный стиль. В первом случае анализ негритянских диалектов английского, французского и испанского языков, находимых в Новом Свете, и аналогичных диалектов английского и французского языков, обнаруживающихся в Африке, показал, что глубинная структура аборигенных языков сохраняется дольше всего и сильнее всего сопротивляется изменению, тогда как лексика и произношение демонстрируют больше всего неафриканских элементов. Но глубже всего в языковых привычных паттернах, какой бы язык мы ни брали, располагаются грамматические конфигурации, и именно они при овладении новым языком представляют наибольшие трудности – гораздо большие, чем фонетика или лексика, хотя последняя усваивается легче, чем произношение. Человек не задумывается о структуре своей речи, когда пользуется собственным языком; ему нужно, как обычно говорится, всего лишь «подбирать слова».

Такие паттерны биографически закладываются очень рано, а потому в условиях контакта оказываются очень неподатливыми. Схожим образом при контакте больше всего изменению сопротивляется музыкальный стиль, или «грамматика» музыки; поэтому музыка всюду оказывается в числе наиболее африканских элементов негритянской культуры. И даже в таких регионах, как США, или в такой стране, как Перу, где удержание африканизмов было наименее всеохватным, неуловимые элементы стиля сохраняются в песнях, в которых исконная мелодическая линия уступила место более европейскому типу музыкальной экспрессии.

Итак, на основе полученных открытий можно выдвинуть гипотезу, что в ситуациях, предполагающих изменение, культурные неуловимости больше сопротивляются изменению, чем те элементы, которые люди сознают лучше. В этой связи, однако, важно подчеркнуть разницу между этим положением и гипотезой, согласно которой материальная культура принимается в ситуации контакта легче, чем нематериальная. Все феномены, которые мы упоминали, попадают, правда, в последнюю категорию, однако для выдвинутой нами гипотезы это несущественно, поскольку принцип здесь относится к процессу, а не к форме.

Исчерпывающее рассмотрение теоретических основ афроамериканских исследований потребовало бы от нас дополнительных гипотез, относящихся к таким вопросам, как следствия численности популяций, обособленности и возможности овладения новой культурой, и обсуждения того, как в исконной культуре, над которой

нависла угроза, работают такие неосязаемые вещи, как гордость, и как отсюда возникает решимость во что бы то ни стало сохранить эту культуру. Оно потребовало бы, чтобы мы оценили на основе имеющегося материала гипотезы, выдвинутые в результате исследований других культур, и априорные, философские спекуляции, такие как принцип, связывающий супранатуралистический подход к жизни с примитивной и сельской средами, или принцип, предполагающий особый тип ментальности у неевропейских народов.

Впрочем, приведенных нами гипотез, направлявших афроамериканские исследования или возникших из них, достаточно, чтобы показать, насколько значимым может быть и, по сути, уже является их вклад в достижение более широких целей научного изучения человека. Здесь нас занимали принципы, которые можно применить к культуре; мы привели пример, обратившись к языку; таким же образом мы могли бы подтвердить свой тезис, обратившись к проблемам человеческой биологии. Но какие бы проблемы ни изучались, преимущества, предоставляемые областью афроамериканских исследований в плане широты охвата и исторического контроля над данными, сделали возможным такой тип подхода, который при правильной методологической стратегии позволяет адекватно проверять принимаемые допущения в разных ситуациях исторического развития, прежде чем они будут преднесены как применимые к другим ареалам.

Примечания

1. Более подробные биографические сведения и синоптический обзор идей и исследований Херсковица см.: *Николаев В.Г. Херсковиц М. Дж. // Культурология. Энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. и автор проекта С.Я. Левит. М., 2007. Т. 2. С. 882-887.*

Примечания к таблице 1

Оценки, приведенные в табл. 1, опираются на следующие источники:

Гвиана, Бразилия (Баия и северная Бразилия), *Тринидад и Гаити* – полевые исследования и различные опубликованные работы о негритянских народах этих стран;

Бразилия (северная: городская и сельская) – неопубликованные отчеты о полевом исследовании Октавиу Эдуарду в штате Мараньяу;

Ямайка – прямые контакты с маронами и другими ямайскими неграми, хотя и без возможности проведения детального полевого исследования; о населении Ямайки в целом данные взяты из книги Марты Беквит «Черные дороги Ямайки»;

Куба – разные работы Фернандо Ортиса, особенно его книга «Черные колдуны», и книга Р. Лацатаньере «Руководство по сантерии»;

Виргинские острова – монография А.А. Кэмпбелла «Негры острова Сент-Томас: изучение культуры и личности» (Psychological Monographs. Vol. 55. № 5. 1943) и неопубликованные полевые материалы Дж.К. Тревора;

Острова Галла – полевая работа У.Р. Бэскома, некоторые результаты которой опубликованы в статье «Аккультурация у негров галла» (American Anthropologist. Vol. 43. 1941. P. 43-50);

Соединенные Штаты – многочисленные работы, из которых материал об африканском происхождении был извлечен и впоследствии обобщен в моей работе «Миф о негритянском прошлом».

Пер. с англ. В.Г. Николаева